

УДК 351.853.1

Несохранившиеся дореволюционные монументы Казани: история их сооружения

Ш. С. Хамматов,

*Казанский национальный
исследовательский технологический
университет,
г. Казань, Республика Татарстан,
Российская Федерация*

Nonextant pre-revolutionary monuments of Kazan: the history of their erection

Sh. S. Khammatov,

*Kazan National Research
Technological University,
Kazan, the Republic of Tatarstan,
the Russian Federation*

Аннотация

В статье исследуется роль исторической памяти и образов монументального искусства, благодаря которым происходит вовлечение в прошлое, воспитание уважения к нему. К числу компонентов коллективной памяти относятся памятники как одна из предпосылок выживания культуры. Поставлена проблема значимости событий, предшествовавших их установке в Казани. Актуальность проблемы заключается в том, что впервые изучены мотивы и историческая ситуация возведения монументов, участие в нем общественности, роль властных структур. Новизна статьи заключается в комплексности изучения истории сооружения исчезнувших ныне памятников. Выявлено, что в установке монументов и эволюции художественного облика Казани большую роль сыграли конкурсы, подписка, участие общественности. Памятники не только несут информацию о прошлом: они формируют городское пространство, создают особый живописный вид, ассоциируясь с конкретным местом, порой становясь важной составляющей достопримечательностей города. Памятники порождают у людей стремление узнать историю событий и персонажей, которым посвящены монументы, стимулируют индивидуальный интерес к истории. Наконец, памятники создают культурный образ города. Слабая интенсивность развития мемориальной культуры Казани до революции 1917 г. объясняется тем, что памятники сооружались главным образом по подписке, которая занимала длительное время. В советский период мемориальная культура Казани отличалась интенсивным развитием на фоне усиления идеологической составляющей, ослабевшей в постсоветское время.

Abstract

The author examines the role of historical memory and images of monumental art which allows us to be involved in the past and promote respect for it. One of the components of collective memory is monuments as a prerequisite for cultural survival. The article highlights the problem of the significance of the events preceding their

installation in Kazan. The relevance of the problem is explained by the fact that for the first time the grounds and historical situation of the monuments' erection, public participation, and the role of bodies of government are studied. The novelty of the article is in the integrated approach to the studying of the history of the erection of non-extant monuments. It is revealed that competitions, signed agreements, and public participation played a significant role in the installation of monuments and the evolution of the artistic image of Kazan. Monuments not only contain information about the past, but they also form an urban space, create a special picturesque view being associated with a particular place, and sometimes become an important component of the city's sights. They give rise to people's aspirations for learning the history of the events and the persons to whom they are dedicated and promote individual interest in history as a whole. Finally, monuments create a cultural image of the city. The weak development of the memorial culture in Kazan before the Revolution of 1917 is explained by the fact that monuments were raised mainly by a written agreement, which took a long time. During the Soviet period, the memorial culture of Kazan was characterized by intensive development affected by the strengthening of the ideological component, which became weaker in the post-Soviet period.

Ключевые слова

Мемориальная культура, памятник, Г. Р. Державин, Александр II, Казань, Казанская городская дума, культурный образ, аллегорические фигуры.

Keywords

Memorial culture, monument, G. R. Derzhavin, Alexander II, Kazan, Kazan city council, cultural image, allegorical figures.

Одним из перспективных и актуальных направлений современных исторических исследований является изучение «локальной (местной) истории». Под «локальной историей», «историей места» можно понимать как историю отдельной страны, народа, составляющую часть всеобщей истории, так и историю отдельно взятого региона, города, района. Локальная история позволяет составить коллективную биографию локальной общности любого уровня: от семьи – до страны. При этом «история снизу» подходит к изучению локального сообщества через историю отдельных личностей, его составляющих.

Современная ситуация развития исторической науки характеризуется возросшим интересом к вопросам коллективной памяти. Именно благодаря ей, происходит вовлечение в прошлое, воспитание в уважении к нему. К числу компонентов коллективной памяти относятся памятники – как ее основа, обеспечивающая выживание культуры. В современном быстро меняющемся мире подвергается трансформации и пространство города. Исчезают старинные здания, порой целыми улицами. Единственное, что символически останавливает время, привлекая всеобщее внимание – это монументальные памятники. Они являются памятниками в наиболее чистом виде, в отличие от мемориальных и религиозных, их единственное предназначение – сохранение памяти об определенном лице или событии¹. Иначе говоря, мемориальная культура, отвечающая за создание сегодня культурных образов, которые будут востребованы в будущем. Отчасти благодаря памятникам, историческое прошлое обладает возможностью проявляться в настоящем². «Мемориальной тематике» посвящены исследования А. В. Антощенко, С. А. Еремеевой, А. С. Святославского и других. Казанские дореволюционные монументы, которые формировали культурный образ города, становясь частью его истории, мало освещались в научной литературе. В современных исследованиях

рассматривается только памятник Г. Р. Державину (у С. А. Еремеевой). Между тем, с каждым монументом связаны определенные события российской истории, и представляет особый интерес, какие из них оставили след на карте города, а также в его истории. И следует заметить, что снос тех или иных памятников в свое время искажал целостность сложившейся исторической картины города, уносил в небытие срез событий, связанных с ними.

До 1917 г. развитие мемориальной культуры в Казани шло не столь интенсивно. В XVIII в. из известных можно назвать пару триумфальных ворот, поставленных в честь приезда в город Екатерины II в 1767 г. Одни стояли неподалеку от Кремля. Они состояли из трех арок (главной и двух боковых), от которых шла галерея, выкрашенная яркими красками и состоявшая из колонн и пилястр, между которыми стояли статуи и фигуры в человеческий рост. Завершал сооружение позолоченный купол. Вторые ворота были поставлены на улице Грузинской, около гимназии, здесь над главной аркой возвышался щит с гербом Российской империи, а по сторонам ворот были расставлены прозрачные картины³. Простояли они недолго, и были уничтожены во время Пугачевского восстания⁴. В XIX в. было поставлено четыре памятника. Это посвященный конкретному событию храм-памятник павшим при взятии Казани и памятники конкретным лицам: Гавриилу Романовичу Державину, Александру II, Николаю Ивановичу Лобачевскому. Также к 100-летию Отечественной войны 1812 г. был поставлен временный памятник Михаилу Илларионовичу Кутузову, который так и не был воплощен в постоянный. К числу дореволюционных монументов в настоящее время также относят т.н. «Красные ворота», которые были построены как новые главные ворота Казанского порохового завода к его 100-летию⁵. Из названных памятников после революции наименее пострадал памятник Н. И. Лобачевскому, лишившийся бронзовых украшений, которые частично были воссозданы в 1997 г. Храм-памятник павшим воинам был разорен, а впоследствии, в русле ленинского плана монументальной пропаганды, его намеривались использовать в качестве базы для огромного «Памятника Содружества народов». В основе проекта Ф. П. Гаврилова лежала идея одного из первых памятников революционной Москвы – обелиска Советской Конституции, только здесь его должен был заменить граненый шпиль со звездой, а вместо женской фигуры – два друга. Но Наркомпрос РСФСР, признав Храм-памятник выдающимся памятником архитектуры, посчитал нецелесообразной перестройку, что и спасло его⁶. Памятники же поэту и императору, чье правление вошло в историю как время великих либеральных реформ, были разрушены.

Идея об установке памятника Г. Р. Державину в Казани впервые была озвучена на посвященном его памяти экстренном публичном собрании Общества любителей отечественной словесности 24 сентября 1816 г. После речи адъюнкта философии И. Е. Срезневского «О заслугах, оказанных покойным Державиным российской словесности», от членов общества поступил ряд предложений по увековечению памяти поэта, среди которых было «о воздании ему большей почести, например поставлением урны, памятника и т. п.»⁷. В 1817 г. министр народного просвещения князь А. Н. Голицын уведомил, что император Александр I дал разрешение обществу поставить у себя портрет или бюст Державина, если оно того пожелает⁸. Вопрос поднимался на традиционном собрании общества 8 июля 1818 г. секретарем П. С. Кондыревым, а в 1825 г. – на торжественном акте в Казанской гимназии директором И. И. Лажечниковым, предложившим поставить Державину «приличный монумент, с изображением и надписью «Воспитаннику своему Гавриилу

*Проект А. И. Мельникова.
The project by A. I. Melnikov.*

Романовичу Державину – Казанская гимназия»⁹. Это дало ему смелость утверждать, что речь стала первым краеугольным камнем, поставленным в основание памятника¹⁰. Несмотря на это, каких-то конкретных действий не предпринималось. Возможно, в этом свою роль сыграла личность попечителя учебного округа М. А. Магницкого, по словам Н. П. Загоскина, «враждебно, относившегося ко всякого рода проявлениям самостоятельной мысли и деятельности». Кроме того, инициатива исходила от общества, о котором он был весьма невысокого мнения, об этом красноречиво свидетельствует примечание, оставленное М. А. Магницким, еще в бытность ревизором университета: «Общество и доселе совершенно пустое»¹¹.

Ситуация меняется в 1828 г., на торжественном собрании, секретарем Общества любителей отечественной словесности Г. Е. Суровцевым вновь был поднят вопрос об установке памятника Г. Р. Державину в Казани, в специальном докладе¹². К тому времени появились определенные прецеденты в этой области: в 1828 г. был открыт памятник Ришелье в Одессе – первый памятник гражданскому лицу, на который деньги были собраны по местной инициативе. А также, с 1825 г. шел сбор средств на сооружение монумента

М. В. Ломоносову в Архангельске¹³.

И уже в 1830 г. проект памятника был составлен преподавателем рисования и живописи университета Л. Д. Крюковым. Этот проект имел следующую композицию: ступени и тумбу предполагалось устроить из гранита, полуколонну – из белого мрамора, а бюст, надписи и украшения – из бронзы. На тумбе должен был быть барельеф и надписи: «Гавриилу Романовичу Державину» «Любители Отечественной словесности»¹⁴.

Этот проект Императорской академией художеств был признан неудовлетворительным, и составление нового передавалось профессору архитектуры Абраму Ивановичу Мельникову. В итоге получилось нечто схожее с предыдущим: памятник, состоящий из бронзового бюста Державина, на мраморном пьедестале с некоторыми украшениями из позолоченной меди. По смете стоимость работ, включая доставку и установку, составила всего 18 089 рублей¹⁵.

Проект А. Мельникова был одобрен Академией художеств и 5 декабря 1831 г. утвержден императором Николаем I, после чего была открыта по всей России подписка на добровольные пожертвования для сооружения памятника Державину¹⁶. В ней министр внутренних дел Д. Н. Блудов увидел возможность «соорудить памятник в таком виде, который бы по изяществу рисунка и размерам соответствовал цели изъявить уважение России к одному из первейших ее поэтов и с тем вместе служил бы украшением довольно важного в империи города, какова Казань»¹⁷.

Объявленный в апреле 1832 г. Академией художеств конкурс выявил из большого числа проектов – три. В мае 1835 г. Николай I, по представлению Блудова, утвердил проект профессора К. А. Тона, с применением к нему статуи и барельефов, спроектированных академиком С. И. Гальбергом¹⁸. Причем, по утверждению

П. М. Дульского, К. А. Тону можно приписать только саму идею этого произведения, которую он выразил в своем проекте, разработка же композиции барельефов, а также постановка фигуры есть исключительно творчество С. И. Гальберга¹⁹.

Пока в столице шло выполнение монумента Державину, в Казани много толков и споров вызвал вопрос о месте, где было бы более подходящим поставить памятник. Когда речь шла еще о монументе А. И. Мельникова, предполагалось его разместить в саду Черного Озера²⁰. Впоследствии, предлагались Театральная площадь, Арское поле, место около будущего здания Института благородных девиц, городская площадь (имеется в виду Ивановская), площадь около старой университетской клиники²¹.

В 1836 г. Николай I, во время пребывания в Казани, при посещении университета, осматривая только что возведенные архитектором М. П. Коринфским постройки новых зданий, повелел памятник Державину поставить среди университетского двора, против анатомического театра²². В 1842 г. поступившие на этот предмет пожертвования составляли наличными деньгами 12 048 руб. и билетами Московской сохранной казны 6 705 руб. Закладка происходила 15 сентября 1844 г. в присутствии военного губернатора С. П. Шипова, архитекторов Х. Крампа и М. П. Коринфского и ректора университета Н. И. Лобачевского²³.

В Казань памятник был доставлен в два этапа. В 1843 г. были сначала высланы каменные части, о чем Академия художеств сообщала попечителю: «Мастер Степан Анисимов по заключенному с Академией контракту на изготовление гранитных ступеней и лещади к памятнику Державину окончил ныне работу сию со всею исправностью и скоро доставит водою в Казань»²⁴. Второй транспорт, с металлическими частями, несколько задержался в столице и был отправлен в 1846 г. с запозданием, благодаря чему памятник остался на зиму в Нижнем Новгороде²⁵. Поэтому дата, отлитая на лицевой стороне пьедестала: «Г. Р. Державину. 1846», не совпадает с официальной датой открытия памятника. Торжественное открытие памятника состоялось 23 августа 1847 г. Державин предстал перед присутствующими в образе античного поэта и был запечатлен в тот момент, когда его посетило вдохновение. Интересны барельефы пьедестала. На левой стороне – Минерва, карающая мятеж, и Державин следует за нею (намек на деятельность его во время Пугачевского бунта). Вместе с Аполлоном видна Фемиды, приглашающая поэта к своему служению. Н. П. Загоскин трактует этот барельеф как аллегорическую картину, представляющую просвещение, побеждающее без силы оружия невежество: «которое падает, роняя свою маску»²⁶. На правой стороне – Державин в сопровождении граций, поставив лиру на алтарь, посвященный Отчеству, поет свои гимны; поэту внимает Фелица, готовая увенчать его. Нева, сказано в официальном описании, воспещет его песням. На задней стороне – две фигуры, олицетворяющие день и ночь, как символы постоянных занятий поэта²⁷. Памятнику придавалось особое значение, он причислялся к тройке монументов, которые, по словам современника, могли считаться воплощенной историей духовных успехов России. Символом воинской доблести и государственной мудрости являлась Александровская колонна, данью общественного уважения к науке – памятник Н. М. Карамзину, ну а свидетельством благоговения к искусству – памятник Г. Р. Державину²⁸.

Но нахождение памятника на университетском дворе делало его недоступным для осмотра, а приезжие, если не были о нем слышаны, то просто не догадывались о его существовании. Значительная доля вины в этом – Николая I, возможно, он не желал повышения статуса памятника, его значительности, будь тот помещен

*Памятник Г. Р. Державину.
The Monument to G. R. Derzhavin.*

на центральной открытой площади. Видимо, поэтому место для публичных памятников писателям, назначенное императором, всякий раз одинаково отличалось от предложенного местными городскими властями: оно было менее «общественным» – более удаленным от центра и многолюдства²⁹.

Это видно и в случае с вышеупомянутым памятником Ломоносову, место для которого Николай I выбрал во всех отношениях неудобное: низкое, топкое и малозаметное – памятник был плохо виден и трудно достигаем с центрального Троицкого проспекта. В итоге его перенесли в 1867 г. на первоначально предполагаемое место – на городской площади Архангельска³⁰. Первая попытка переноса памятника Державину была предпринята казанским военным губернатором П. Ф. Козляниновым, в 1860 г. предписавшим городской думе найти средства для переноса памятника. Последняя была согласна, чтобы издержки на это взяло на себя городское сообщество, с условием, если в них примут участие дворяне-владельцы городской недвижимости и университет. Но деньги собраны не были, и перенос не состоялся

с³¹. Только через 10 лет казанскому земству удалось набрать около 2 тысяч рублей, на которые было решено перенести памятник, и в июле 1870 г. он был перенесен на Театральную площадь³². После революции монумент превращается в символ благодарности казанского дворянства, возвеличивающего поэта, «лирой защищавшего дворянскую монархию от народного крестьянского восстания»³³. В июне 1931 г. памятник Державину был снесен. Его увезли на переплавку в трамвайный парк имени Н. Ершова, где отлили бронзовые вкладыши для букв³⁴.

За весь период с 1880-х по 1917 гг. по числу памятников, поставленных в Российской империи, абсолютным лидером становится Александр II³⁵. Вероятно, свою роль в этом сыграла его трагическая гибель, именно после нее во многих крупных городах Российской империи было решено увековечить память императора. Казань не осталась в стороне³⁶. Постановление Казанской городской Думы о сооружении памятника царю-освободителю было принято в апреле 1881 г. Предполагалось, что это будет сделано на добровольные пожертвования жителей города, причем также приглашались к подписке городские и сельские жители всей Казанской губернии³⁷. Помимо этого, на гробницу Александра II был возложен серебряный венок от всех общественных и сословных учреждений Казанской губернии, и была поднесена икона Казанской Божьей Матери в церковь, которую предполагалось поставить на месте покушения (Собор Воскресения Христова на Крови).

Сбор средств шел медленно. К 1884 г. было собрано 5 906 рублей, и через четыре года сумма увеличилась ненамного – к 1 января 1888 г. общая сумма пожертвований составила 6 608 рублей 46 копеек³⁸. Но благодаря деятельности нового городского головы С. В. Дьяченко, были приняты меры, позволившие ускорить сбор средств. Городская дума обратилась к губернским и уездным земским собраниям Казанской губернии, а управа разослала подписные листы лицам, которые могли способствовать подписке, и вскоре сумма возросла до 34 тысяч рублей. Всего по подписке за все время было собрано 44 105 рублей 21 копейка³⁹. Комитет по сооружению памятника Александру II, в составе двух человек (В. И. Заусайлова, М. И. Галеева), пополнился еще представителями от города, помимо упомянутых, в нем состояли Н. А. Осокин, Н. Е. Боратынский, А. Ф. Докучаев. Председательство принял С. В. Дьяченко. Позже в комитет вошли представители от казанского губернского земства С. Н. Теренин и П. М. Останков, представитель казанского уездного земства – П. П. Перцов, купцы В. Е. Соломин и Я. Ф. Шамов⁴⁰. Тогда же был объявлен конкурс проектов памятника. Условия следующие: ценность от 25 до 30 тысяч рублей; размещение на площади средних размеров; вид – на полное усмотрение автора. Кроме того, были назначены премии: I место – 500 рублей, II – 150⁴¹.

К 1 января 1890 г. – дате окончания представления предложений – было представлено 13 проектов. В каждом предложенном памятнике должны были быть представлены все положительные стороны правления Александра II, причем везде доминирует идея «царя-освободителя», отменившего крепостное право. По-своему интересен один из первых присланных проектов – военного врача Михаила Залуговского из Твери. Сам памятник достаточно скромный, значительная часть отведена кресту с портретом Александра II в овале. От него ниспадали «как лучи от светильника» хартии, заключающие в себе манифесты, указы (освобождение крестьян, гласный суд, университетский устав, отмена телесных наказаний и др.). А вместе с памятником должна была открыться хирургическая больница (устав учреждения прилагался)⁴².

Проекты, получившие больше всех голосов, были составлены академиком Владимиром Иосифовичем Шервудом. Особенно полно история царствования императора была представлена в проекте «Слава». Пьедестал, увенчанный колоссальным бюстом Александра II, был украшен четырьмя аллегорическими фигурами, символизирующими основные идеи его деяний. Идея «царь-освободитель» была представлена фигурой крестьянина, молящегося с грамотой в руке на которой видна надпись «19 февраля 1861 г.», «царь-просветитель» – мудрецом, указывающим на раскрытую книгу, «царь-законодатель» – фигурой России, благоговейно

С. В. Дьяченко.

S. V. Dyachenko.

В. И. Шервуд.

V. I. Shervud.

перед «уложением Александра II», «царь-преобразователь» – фигурами крестьянина и интеллигента, держащих одно знамя и обнаживших меч в его защиту⁴³. Они символизировали уравнение сословий в правах и обязанностях, что считалось существенной чертой преобразований Александра II. Эта композиция из гранита и бронзы опиралась на простые, едва обработанные формы из местного камня, с досками, на которых была изложена история сооружения и открытия памятника. Еще ниже – необработанные натуральные глыбы, на которых по углам стояли грифоны или зиланты, между ними – лестница, ведущая кверху, символизирующая влияние Казани на еще некультурные племена⁴⁴. Проект «Великому» предусматривал фигуру императора в полный рост, но более скромный пьедестал, украшенный досками с надписями великих деяний императора, сверху украшенных атрибутами императорской

власти – лаврами и пальмой. Внизу – зиланты, держащие венки славы, соединенные гиляндами. Совместить статую и роскошный постамент было невозможно из-за ограниченности средств⁴⁵. Проект «Великому» по подсчетам экспертов обошелся бы в 35 тысяч, а «Слава» – до 45 тысяч рублей. Соединение или перемещение фигур в проектах дало бы сумму в 50 тысяч, против собранных на тот момент 34 тысяч рублей. Для сравнения, памятник в Самаре – с тем же составом, числом фигур, но с маленькой разницей в размерах – обошелся в 80 тысяч рублей⁴⁶.

Аллегорические фигуры можно увидеть также в проектах Л. О. Ольшевского и «Русь». В первом присутствуют скульптуры Славянина – отсыл к событиям на русско-турецкой войны 1877-1878 гг. – и Малороссии, с шеи которой Александр II снимает ярмо – аллегория отмены крепостного права. Также обращено внимание на отмену телесных наказаний – сломанные клеймо и плеть. В проекте «Русь» для атрибутов правления избраны: опять же отмена крепостного права, гласное судопроизводство, народное образование, всеобщая воинская повинность и защита славян. Это и группа, изображающая народное образование, и колонна с державой и скипетром, обозначающая судебную реформу 1864 г., и фигура Гения, держащего свиток Манифеста 19 февраля 1861 г., и Воин с царским знаменем, олицетворяющий защиту славян⁴⁷. В проекте «ЧВ» на сторонах пьедестала присутствовали два барельефа: на одном Николай I показывает своим войскам малютку-сына и говорит: «Вот нам наследник», на другом – коронация Александра II⁴⁸.

Комитет по сооружению памятника Александру II признал наиболее удачными проекты «Великому» и «Слава», окончательно остановив выбор на первом. Вторую премию получил проект «ЧВ», авторами которого были академик М. А. Чижов и член Петербургского общества архитекторов Х. К. Васильев⁴⁹. В качестве

экспертов были привлечены видные казанские архитекторы Л. К. Хрщонович, Х. Г. Пашковский, И. Г. Невинский, М. Н. Литвинов, П. Т. Жуковский, П. Е. Аникин, которые также занимались выбором места для постановки памятника. Первые двое предложили площадь у Ксенинской женской гимназии (где впоследствии установили памятник Н. И. Лобачевскому). П. Е. Аникин, П. Т. Жуковский – Театральную, а памятник Г. Р. Державину перенести куда-нибудь в другое место. Правда, когда И. Г. Невинский указал Николаевскую площадь, напротив новой лестницы в Черноозерский сад, П. Е. Аникин присоединился к нему. М. Н. Литвинов счел подходящей площадь у дома Городского общественного управления (Ивановская – современная площадь 1 мая). В итоге в заседании 16 марта 1890 г. Городская дума выбрала в качестве места установки памятника – Ивановскую площадь⁵⁰.

Работа В. И. Шервуда была высоко оценена многими деятелями науки и искусства. Так профессор кафедры классической филологии А. Н. Шварц, будущий попечитель Московского учебного округа и министр народного просвещения, дал лестный отзыв о памятнике, заявив, что это лучшее изображение всех черт Александра II, профессор всеобщей истории В. И. Герье был поражен величием и царственностью статуи. Положительно о памятнике отозвался В. О. Ключевский. Все считали, что это лучшее произведение В. И. Шервуда⁵¹.

Памятник был готов в 1894 г., общая стоимость определилась в сумме 43 856 рублей 31 копейка⁵². Торжественное открытие предполагалось провести 22 октября, но в связи со смертью 20 октября императора Александра III было отложено. Открытие памятника состоялось 30 августа 1895 г. На торжества Городской думой было выделено 2 500 и на раут 500 рублей⁵³. После революции памятник простоял недолго, он был обречен после выхода декрета от 12 апреля 1918 г., согласно которому памятники в честь царей и их слуг, не представляющие интереса ни с исторической, ни с художественной стороны, подлежали снятию с площадей и улиц. Причем некоторые наиболее уродливые монументы должны были убрать уже 1 мая, и поставить первые модели новых памятников⁵⁴. Когда именно был снесен памятник Александру II, точно неизвестно, но уже 1 мая 1920 г. на его место был поставлен гипсовый рабочий-металлист, символизирующий «Освобожденный труд».

Еще в 1917 г., когда стали раздаваться голоса против памятников царственным особам, А. Н. Бенуа в статье «О памятниках» высказал достаточно здравую мысль: «нужна еще сложившаяся культура, нужно накопление опыта, нужна проверка,

*Проект «Великому».
“To the great one” project.*

нужны традиции. И начинать с того нового, что уничтожить все старое – это так же необдуманно и прямо глупо, как, не выстроив нового дома, поджигать старый»⁵⁵. Но, к сожалению, к этому мнению новая власть не прислушалась, и Казань пополнила число городов, потерявших некоторые памятники. Монумент царю однозначно был приговорен после 12 апреля 1918 г. В случае с памятником Г. Р. Державину, царский вельможа, занимавший высокие государственные должности, дослужившийся до высших классов «Табели о рангах», заслонил собой выдающегося поэта и этим стал классово чуждым. И если впоследствии в 2003 г. этот памятник был воссоздан⁵⁶, то монумент Александру II Казань утратила навсегда.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Сокол К. Г. Российские монументальные памятники конца XVIII – начала XX вв. как объекты исторической географии. Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. – М., 2009. – С. 5.
2. Богдановская И. М., Трегубенко И. А. Восприятие городских памятников в различных социокультурных контекстах // *Universum: Вестник Герценовского университета*. – 2013. – № 2. – С. 78.
3. Казань в ее прошлом и настоящем / Сост. М. Пинегин. – СПб., 1890. – С. 198.
4. Краткая история города Казани. Сочинение Михаила Рыбушкина. – Казань, 1848. – С. 144.
5. Глинский А. С. 100 лет Казанского порохового завода. Историческая записка. – СПб., 1888. – С. 4.
6. Саначин С. П. Экскурс в архитектурную жизнь советской Казани. – Казань, 2015. – С. 16.
7. Загоскин Н. П. История Императорского Казанского университета за первые 100 лет его существования 1804-1904. Том 2, часть вторая (1814-1819). – Казань, 1903. – С. 274-275.
8. Памятник Державину // ЖМВД. – Ч. 6. – 1832. – № 2. – С. 99.
9. Славянин. – 1827. – Ч. 2. – Вып. 25. – С. 437.
10. Лажечников И. И. Моя жизнь // Дом Лажечникова: Историко-литературный сборник: Вып. 1. – Коломна: КГПИ, 2004. – С. 23.
11. Загоскин Н. П. Указ. соч. – С. 277.
12. Отчет о сооружении памятника Державину // Ученые записки, издаваемые Императорским Казанским университетом. – 1847. – Книга III. – С. 130.
13. Еремеева С. А. Бронзовый век российской словесности: памятники писателям в рамках практики монументальной коммеморации: Препринт. – М.: Изд. дом госуд. ун-та – Высшей школы экономики, 2009. – С. 9.
14. Дульский П. Памятник Г. Р. Державину в Казани. Очерк к 100-летию со дня смерти поэта. 1816-1916. – Казань, 1916. – С. 2.
15. Памятник Державину... – С. 101.
16. Грот Я. К. Жизнь Державина. Серия «Гений в искусстве». – М.: «Алгоритм», 1997. – С. 668.
17. Памятник Державину... – С. 102.
18. Грот Я. К. Указ. соч. – С. 668.
19. Дульский П. Указ. соч. – С. 9.
20. Памятник Державину... – С. 100.
21. Дульский П. Указ. соч. – С. 5.

22. Отчет Казанского университета [составлен орд. проф. Фойгтом] и Учебного округа за 17 лет [составлен инспектором Антроповым], с 1827 по 1-е января 1844 года, по управлению тайного советника Мусина-Пушкина. – Казань, 1844. – С. 437.
23. Грот Я. К. Указ. соч. – С. 669.
24. Дульский П. Указ. соч. – С. 6.
25. Спутник по Казани. Иллюстрированный указатель достопримечательностей и справочная книжка города. Под ред. Н. П. Загоскина. – Казань, 2005. – С. 650.
26. Там же. – С. 649.
27. Грот Я. К. Указ. соч. – С. 670.
28. Речь при открытии памятника Г. Р. Державину, произнесенная проректором Императорского Казанского университета ординарным профессором К. Фойгтом 23 августа 1847 года // ЖМНП. – 1848. – Ч. LVII. – II отд. – С. 83.
29. Еремеева С. А. Указ. соч. – С. 41.
30. Там же. – С. 10.
31. Фролов Ю. Памятник. Беспамятство. Память (К 250-летию Г. Р. Державина) // Татарстан. – 1993. – № 7. – С. 60.
32. Там же. – С. 61.
33. Гинзбург Е. Дворянская Казань // Старая и новая Казань. Культурно-исторические экскурсии. Сборник. – Казань, 1927. – С. 173.
34. Саначин С. П. Экскурс в архитектурную жизнь советской Казани. – Казань, 2015. – С. 32.
35. Святославский А. В. История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов. – М., 2013. – С. 242.
36. Об открытии памятника Александру II (см.: Алиев И. Памятник Александру II в Казани // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2016. – № 1/2. – С. 246-251).
37. ГА РТ, ф. 98, оп. 2, д. 228, л. 1.
38. Сооружение и открытие памятника императору Александру II в Казани (Краткий исторический очерк). – Казань, 1896. – С. 7.
39. Казанский телеграф. – 1895. – 29 августа.
40. Памятная книжка Казанской губернии за 1891-92 год / Сост. В. Люстрицкий. – Ч. 1. – Казань, 1892. – С. 15.
41. ГА РТ, ф. 98, оп. 2, д. 2412, л. 72.
42. Там же, л. 4.
43. Там же, л. 23.
44. Там же.
45. Там же, л. 22.
46. Там же, л. 67.
47. Там же, л. 12-16.
48. Там же, л. 38.
49. Там же, л. 65.
50. Там же, л. 89.
51. Сооружение и открытие памятника... – С. 12-13.
52. Спутник по Казани... – С. 653.
53. Казанский телеграф. – 1895. – 29 августа.
54. Собрание узаконений и распоряжений Правительства за 1917-1918 гг. – Москва: Управ. дел. Совнар. СССР, 1942. – С. 95-96.

55. Святославский А. В. История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов. – М., 2013. – С. 288.

56. Русская литература в восприятии казанской интеллигенции. Учеб. пособие: хрестоматия / Под ред. А. Я. Вороновой, М. М. Сидоровой. – Казань, 2013. – С. 66.

Список литературы

Богдановская И. М., Трегубенко И. А. Восприятие городских памятников в различных социокультурных контекстах // *Universum: Вестник Герценовского университета*. – 2013. – № 2. – С. 78-86.

Глинский А. С. 100 лет Казанского порохового завода. Историческая записка. – СПб., 1888. – 141 с.

Грот Я. К. Жизнь Державина. Серия «Гений в искусстве». – М.: «Алгоритм», 1997. – 688 с.

Дульский П. Памятник Г. Р. Державину в Казани. Очерк к 100-летию со дня смерти поэта. 1816-1916. – Казань, 1916. – 12 с.

Еремеева С. А. Бронзовый век российской словесности: памятники писателям в рамках практики монументальной коммеморации: Препринт. – М.: Изд. дом госуд. ун-та – Высшей школы экономики, 2009. – 52 с.

Казань в ее прошлом и настоящем / Сост. М. Пинегин. – СПб., 1890. – 604 с.

Краткая история города Казани. Сочинение Михаила Рыбушкина. – Казань, 1848. – 300 с.

Лажечников И. И. Моя жизнь // Дом Лажечникова: Историко-литературный сборник: Вып. 1. – Коломна: КГПИ, 2004. – 297 с.

Саначин С. П. Экскурс в архитектурную жизнь советской Казани. – Казань, 2015. – 240 с.

Святославский А. В. История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов. – М., 2013. – 592 с.

References

Bogdanovskaya I. M. Tregubenko I. A. *Vospriyatie gorodskih pamyatnikov v razlichnyh sotsiokulturnykh kontekstakh* [Perception of city monuments in various sociocultural contexts]. IN: *Universum: Bulletin of Gertsen University*, 2013, no. 2, pp. 78-86.

Glinsky A. S. *100 let Kazanskogo porohovogo zavoda. Istoricheskaya zapiska* [100 years of Kazan powder-mill. A historical note]. St. Petersburg, 1888, 141 p.

Grot Ya. K. *Zhizn Derzhavina. Seriya "Geniy v iskusstve"* [Derzhavin's life. "Genius in art" series]. Moscow, "Algoritm" publ., 1997, 688 p.

Dulsky P. *Pamyatnik G. R. Derzhavinu v Kazani. Ocherk k 100-letiyu so dnya smerti poeta. 1816-1916* [The monument to G. R. Derzhavin in Kazan. An essay on the 100th anniversary of the poet's death. 1816-1916]. Kazan, 1916, 12 p.

Yeremeyeva S. A. *Bronzoviy vek rossiyskoy slovesnosti: pamyatniki pisatelyam v ramkah praktiki monumentalnoy kommemoratsii: Preprint* [The Bronze Age of the Russian Literature: monuments to writers as a part of the practice of monumental commemoration: Preprint]. Moscow, Izd. dom gosud. un-ta – Vysshey shkoly ekonomiki publ., 2009, 52 p.

Kazan v yeye proshlom i nastoyashchem. Sost. M. Pinegin [Pinegin M. (comp.) Kazan in its past and present]. St. Petersburg, 1890, 604 p.

Kratkaya istoriya goroda Kazani. Sochineniye Mikhaila Rybushkina [A brief history of Kazan city. The work by Mikhail Rybushkin]. Kazan, 1848, 300 p.

Lazhechnikov I. I. *Moya zhizn*. [My life]. IN: *Dom Lazhechnikova: Istoriko-literaturnyy sbornik: Vyp. 1* [Lazhechnikov's house: Historical and literary collection: Issue 1]. Kolomna, KGPI publ., 2004, 297 p.

Sanachin S. P. *Ekskurs v arhitekturnuyu zhizn sovetskoy Kazani* [An excursion into the architectural life of the Soviet Kazan]. Kazan, 2015, 240 p.

Svyatoslavsky A. V. *Istoriya Rossii v zerkale pamyati. Mehanizmy formirovaniya istoricheskikh obrazov* [Russian history in the mirror of memory. Mechanisms of historical images formation]. Moscow, 2013, 592 p.

Иллюстрации предоставлены автором статьи.

Illustrations are provided by the author of the article.

Сведения об авторе

Хамматов Шамиль Сабитуллаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного управления, истории, социологии Казанского национального исследовательского технологического университета, e-mail: 73_shamil08@mail.ru

About the author

Shamil S. Khammatov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at Department of State Administration, History and Sociology, Kazan National Research Technological University, e-mail: 73_shamil08@mail.ru

В редакцию статья поступила 18.06.2020, опубликована:

Хамматов Ш. С. Несохранившиеся дореволюционные памятники Казани: история их сооружения // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2020. – № 3. – С. 149-161.

Submitted on 18.06.2020, published:

Khammatov Sh. S. Nesohranivshiesya dorevoluytsionnye monumenty Kazani: istoriya ih sooruzheniya [Nonextant pre-revolutionary monuments of Kazan: the history of their erection]. IN: Gasyrlar avazy – Eho vekov, 2020, no. 3, pp. 149-161.